П. В. РЕЗВЫХ

Резвых Пётр Владиславович
кандидат философских наук
ведущий научный сотрудник,
Институт гуманитарных
историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева
Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики
Россия, 107031, Москва, ул. Петровка, 12, к. 302
*Тел.: +7(495)772 95 90*2694*
E-mail: rezvykh@rambler.ru

«ДЕНЬ ГОСПОДЕНЬ ГРЯДЕТ»: ХРИСТИАНСКАЯ УТОПИЯ ПАСТОРА ЗЕДЕРГОЛЬМА

Аннотация. В статье впервые публикуется в русском переводе и анализируется рукописный набросок пастора К. А. Зедергольма (1789–1867) к неопубликованной утопической повести «Церковь. Повесть из последней четверти двадцатого века», а также реконструируется связь этого замысла Зедергольма с его философско-религиозными идеями и с его притязаниями на специфическую роль посредника в процессе взаимодействия немецкой и русской культур.

Ключевые слова: Зедергольм, утопия, протестантизм, немецкий романтизм, русская культура

Фигура Карла Альбрехта Зедергольма (1789–1867), московского протестантского пастора шведского происхождения, предоставляет замечательный материал для демонстрации широких возможностей персонологического подхода в изучении процессов взаимодействия культур[1]. Особая роль Зедергольма в истории русской культуры обусловлена прежде всего его двойной ролью популяризатора русской культуры в немецкоязычной среде и проводника новейших идей немецкой идеалистической и романтической философии в среде русской интеллигенции.

[1] Статья написана в рамках научного проекта №14-01-0030, выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг.

© П. В. РЕЗВЫХ

Среди немецких контактов Зедергольма — поэты и писатели Иоганн Вольфганг Гёте, Юстинус Кернер, Жан-Поль Рихтер и Николаус Ленау, философы Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг, Иоганн Эдуард Эрдманн, Артур Шопенгауэр и Куно Фишер, естествоиспытатель Александр фон Гумбольдт, теолог Генрих Тирш, композитор Феликс Мендельсон. Среди представителей русской культуры, с которыми он активно общался, — В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, П. Я. Чаадаев, И. В. Киреевский, М. П. Погодин, Н. А. Полевой, А. С. Хомяков, Ф. А. Голубинский, А. И. Герцен и мн. др.

Реализуя свои творческие устремления одновременно в контексте двух разных культур (русской и немецкой), но не принадлежа целиком ни к одной из них, пастор Зедергольм сыграл важную роль как в формировании образа немецкой идеалистической философии в русской философской традиции (в частности, в глазах славянофилов, с которыми регулярно и тесно общался), так и в формировании образа русской культуры в немецком ученом сообществе. Этой двунаправленностью творческой и публицистической деятельности Зедергольма определяется и двойная актуальность изучения его наследия для историко-философской науки и, шире, для истории культуры. Анализ философско-богословского творчества Зедергольма, а также реконструкция истории его многочисленных и разнообразных личных контактов с видными представителями немецкой и русской философии и культуры, могут пролить новый свет как на эволюцию немецкой философско-богословской мысли послекантовского периода, так и на условия формирования важнейших феноменов отечественной философской традиции, в частности, на генезис славянофильской мысли.

Комплексное изучение немецкоязычного и русскоязычного философского, теологического и литературного наследия Зедергольма предполагает, наряду с анализом опубликованных сочинений, освоение весьма обширного массива архивного рукописного материала, включающего рукописи философского и литературного характера, переписку, личные дневники и официальные документы, касающиеся биографии мыслителя. Речь идет прежде всего о материалах из личного фонда К. А. Зедергольма (Ф. 107) в собрании Отдела рукописей РГБ, а также об эпистолярных и биографических документах из других архивных фондов — Государственного архива Российской Федерации, отдела рукописей Вюртембергской земельной библиотеки (Штутгарт, Германия), архива Берлин-Бранденбургской академии наук (Берлин, Германия), Немецкого литературного архива (Марбах, Германия) и др. В настоящей статье на основе обнаруженного в ходе изучения этих фондов уникального эпистолярного документа реконструирован один из наиболее характерных и показательных эпизодов культурно-посреднической деятельности Зедергольма.

Речь пойдет о так и не реализованном литературном проекте, работу над которым Зедергольм вел одновременно со своими первыми религиозно-философскими опытами. Хотя сохранившиеся свидетельства о нем весьма немногочисленны, они, как мы увидим, чрезвычайно ярко

характеризуют мировоззренческие предпосылки, которыми направлялась литературная и публицистическая деятельность пастора, а также коммуникативные проблемы, возникавшие в ходе ее осуществления. Поскольку для адекватного понимания смысла этого проекта необходимо обращать внимание не только на содержание, но и на коммуникативный контекст, в котором развертывается его изложение, мы приведем сохранившиеся свидетельства целиком, в ряде пространных цитат, а затем уже обратимся к интерпретации отраженного в них замысла с учетом биографического и историко-культурного контекста.

* * *

Итак, 31 марта 1826 г. Зедергольм обратился с пространным письмом к знаменитому немецкому издателю барону Котте, в котором без лишних предисловий выдвинул деловое предложение. Пастор писал[2]:

> Так как для сочинения, кое я намереваюсь опубликовать, было бы лестной рекомендацией, если бы оно появилось в знаменитом издательстве Вашего Высокоблагородия, и поскольку со слов моего досточтимого друга Нордхофа[3] я знаю, что Вы, по крайней мере ранее, желали получить для Вашего издательства духовные продукты из России, то беру на себя смелость обратиться к Вам с вопросом, соблаговолите ли Вы принять от меня мою рукопись; в каковом случае я незамедлительно вышлю ее Вам, предоставляя всецело Вашему решению, удостоите ли Вы ее какого-либо, и какого именно, гонорара или же нет. — Эта книга, по объему примерно такая же, как и лекции Шеллинга о методе академических занятий, будет называться «Церковь. Повесть из последней четверти двадцатого века». Цель ее — изобразить в ряде сцен уже осуществленным высшее совершенство протестантской церкви и уже совершившимся все то, что должно произойти, дабы оное было достигнуто. Поэтому рассказ перенесен в будущее, а все в целом носит скорее поэтический характер. Сочинение выдержано в спокойном тоне, отвечающем достоинству предмета, и, будучи написано мною с искренней чистой любовью, найдет свою публику. — Содержание в целом таково: изображение заключенного благодаря растущему господству религиозности мирного договора между русским царем и греческим королем. Сюжет развивается следующим образом. Два молодых священнослужителя, потомки протестантского миссионера, 150 лет назад (ныне) пере-

[2] Все цитаты из писем К. А. Зедергольма приводятся в нашем русском переводе, сделанном с выполненных нами транскрипций рукописных оригиналов.

[3] Имеется в виду немецкий врач Антон Фридрих Нордхоф (1778–1825), находившийся на службе в России с 1806 по 1819 г. и затем, после недолгого пребывания на родине, с 1822 по 1825 г. В автобиографическом эпизоде религиозно-философской поэмы Зедергольма «Спасение» Нордхоф упомянут в числе дорогих его сердцу покойников, на новую встречу с которыми в загробном мире уповает автор. Знакомство, по-видимому, состоялось незадолго до кончины Нордхофа: в поэме он назван в числе тех, кого автор «едва успел полюбить, чтобы тотчас же и оплакать» [Sederholm 1833: 173].

селившегося на один из мелких удаленных тихоокеанских островов, отправляются в странствие, чтобы увидеть, как обстоит дело с церковью христианской вообще и с протестантской в особенности. Они прибывают в Новую Голландию[4]. Все евреи из Европы переселены туда. Необходимость этой меры. Размежевание христианства с иудаизмом. Оттуда в Индию. Эта страна стала местопребыванием английского правительства. Новое направление европейской политики. Сцена в школе для аборигенов. Миссионерство. Европейские империи в Азии и Африке. Размежевание христианства с язычеством и исламом. Прибытие странников в Иерусалим. Папа римский, немец, перенес туда из Рима свою резиденцию. Возможности новой жизни католической церкви. Размежевание ее с протестантской церковью. Затем через Россию в Германию. Последняя — могущественная, счастливая держава. Великий король. В пути сцена домашнего благочестия. Они прибывают в Тевтбург, новую столицу империи. Описание осуществленного идеала протестантского богослужения. (Попытка сделать его более захватывающим без роскоши и искусственности.) Развитие понятия чисто христианской мессы. Объяснение того, как стала возможной эта новая церковная жизнь. Первый импульс дала вторая (желаемая) часть «Фауста» Гёте. Великий король отказался от summus episcopatus[5] и объявил свободу церкви. Конституция и представительное устройство протест[антской] церкви. Постоянный собор союзных церквей. Церковное управление. Свобода прессы, средства оповещения, церковные сборы. Путешествие странников в севернонемецкую гавань. По дороге — пребывание у одного сельского проповедника. Его положение. Душепопечение. Воспитание. Прибытие в семинарию для проповедников. Описание семинарии, какой она должна быть, чтобы сделать проповедников такими, какими им надлежит быть от Бога. Новые радостные перспективы для странников. Домашнее применение причастия. Возвращение.

Так как я осмелился вовлечь в сюжет моего рассказа Гёте, досточтимого князя поэтов Германии, и поскольку я знаю, в каких отношениях находится с ним Ваше Высокобл[агородие], то препровожу Вам, в качестве пробы целого, весь относящийся к нему отрывок, от всего сердца желая, чтобы он не вызвал Вашего неблаговоления и не показался недостойным сего всеми чтимого мужа. — ‹…› Преданный слуга Вашего Высокоблагородия д-р Зедергольм.

Для пробы. Иоганн: Так назовите же мне того человека, от которого проистекла эта обновленная жизнь в нашей церкви, дабы я благословил его в сердце своем. Проповедник: Вчера я не без умысла дал вам «Фауста» Гёте, которого вы, конечно же, прочтете. Так поверите ли вы мне, если я скажу, что создатель «Фауста» стал в руках Провидения орудием к тому, чтобы дать хотя бы первый импульс к этой новой жизни? Оттомар: Гёте! Нет, этого быть не может! Проповедник: Каким бы невероятным это ни казалось, все же это так. Этому

[4] *Новая Голландия* — историческое наименование Австралии.

[5] Установленный в немецких протестантских землях и сохранявшийся до 1918 г. статус светского правителя как верховного епископа земельной церкви.

великому человеку, более полвека бывшему гордостью своего народа и своей эпохи, этому в высшей степени одаренному человеку недоставало только одного — понимания (Sinn für) не столько религии, сколько христианства. Ведь если бы оно явилось его духу во всей своей славе, рассуждали многие, то он не мог бы не выразить того, что с божественной силой овладевает душой человека, одаренного этим счастьем. Жизнь поэта определяется одним горациевым Poscimur[6]. Так и в этом великом уме своего времени повторился тот печальный опыт, что как раз те, кому дарован высший певческий дар, обыкновенно — священнодействующего Клопштока я отсюда исключаю — ничего не делают для прославления религии и церкви, но именно эту наилучшую и самую завидную часть своего призвания предоставляют тем, в ком наилучшее — это их добрая воля. И все же в отношении Гёте в конце концов все заблуждались, ибо он, во всем шедший своим собственным путем и часто делавший совершенно противоположное тому, чего от него ждали, так же поступил и здесь, выступив на закате своей жизни со второй частью «Фауста». Как известно, до сих пор эта чудесная поэма оставалась фрагментом, и многие давно уже оставили надежду увидеть его завершение, как вдруг неожиданно вышла в свет эта вторая часть. Вы прочтете ее уже сегодня вечером, а пока удовольствуйтесь скудным пересказом, какой необходим нам для продолжения беседы. — В своего рода введении, представляющем собою, быть может, прекраснейшую поэму во всей немецкой литературе, престарелый поэт сетует на то, что свет христианства лишь теперь воссиял ему во всей своей славе. Затем он описывает бывшее ему видение, в котором ему явился дух бессмертного юноши (Новалиса) и повелел посвятить наивысшее наивысшему. Так явись предо мною, златая лира, восклицает он в дифирамбическом одушевлении, явись и прозвучи в последний раз для твоих современников. День Господень грядет, приветствуй, торжествуя, его славную зарю, мне же дай излить последний жар сердца в твоих звуках. — От ‹…› [Sederholm 1826a][7].

* * *

Прежде чем высказать ряд соображений относительно содержания повести, обратимся к скудным свидетельствам о ее дальнейшей судьбе.

Как мы узнаем из датированного 23 августа 1826 г. письма Зедергольма в редакцию выходившего в издательстве Котты «Утреннего листка для образованных сословий», пастор получил лично от барона Котты совет направить свои сочинения именно в это периодическое издание. Зедер-

[6] Зедергольм имеет в виду начало 32 оды из первой книги од Горация: «Poscimur. Si quid vacui sub umbra / lusimus tecum, quod et hunc in annum / vivat et pluris, age, dic Latinum, / barbite, carmen...» (в русском переводе З. Морозкиной: «Лира! нас зовут. Коль в тени досуга / Мы могли напеть тот напев, который / Нас переживет — одари нас ныне / Песней латинской!» [Гораций 1970: 84]). Эту формулу Горация Зедергольм поместил в качестве эпиграфа на титульный лист своей религиозно-философской поэмы «Спасение» [Sederholm 1833: i].

[7] К сожалению, на этом месте кончается лист и, соответственно, обрывается сохранившаяся часть письма.

гольм препроводил в редакцию сразу несколько рукописей. Всего в письме перечислялись восемь сочинений. Первым номером значилась повесть «Церковь». За нею следовали цикл философских афоризмов «Эмбрионы мыслей»[8]; перевод стихотворения шведского поэта Й.-Г. Келльгрена; два стихотворения на смерть императора Александра I; написанный по-французски очерк о Густаве III; фрагменты из путевых заметок шведского поэта П. У. Кернелла о его общении с Ф. В. Й. Шеллингом[9]; стихотворение на коронацию Николая I; немецкое поэтическое переложение молитвы «Отче наш» белым стихом.

Повесть «Церковь» Зедергольм прокомментировал следующим образом:

> 1. Отрывки из еще не опубликованного сочинения под названием «Церковь». Если — чего я, впрочем, не опасаюсь — редакция предпочтет воздержаться от принятия к публикации той части сочинения, которая касается Гёте, то я готов ее изъять, тем более что и все в целом представляет собою фрагмент [Sederholm 1826b].

Далее в письме пояснялось, что фрагменты повести пастор, наряду с другими авторскими сочинениями (в отличие от переводов), желал бы опубликовать под псевдонимом «- rh —», и указывалось, по какому адресу в случае принятия рукописей к публикации можно направить гонорар, назначенный самим Коттой (20 талеров за лист крупным шрифтом и 24 талера за лист мелким шрифтом).

По прошествии семи с лишним месяцев, 10 апреля 1827 г. Зедергольм направил в редакцию «Утреннего листка» записку следующего содержания: «Редакцию “Утреннего листка” нижайше прошу подателю сего выдать на руки сочинения, посланные мною в оную в августе прошлого года». Первым номером среди истребованных рукописей значился «Отрывок из повести “Церковь”». На записке рукой писателя Вильгельма Гауфа, с января по ноябрь 1827 г. занимавшего должность главного редактора «Утреннего листка», помечено: «Из перечисленных статей в моем репертуаре нет ни одной, так что прошу Вас справиться о них у г-на фон Котты» [Sederholm 1827].

К сожалению, не сохранилось никаких документов, позволяющих установить, последовал ли Зедергольм совету Гауфа и каков был результат. В любом случае здесь следы повести обрываются: опубликован текст не был, среди бумаг Зедергольма, сохранившихся в его архиве, не удалось найти ни эту рукопись, ни другие, перечисленные в письмах в редакцию «Утреннего листка». Остается только гадать, что с ними произошло.

---

[8] Один из более поздних вариантов этого сочинения сохранился в архиве Зедергольма (ОР РГБ. Ф. 107. Карт. 2. Ед. хр. 19).

[9] Как мы уже отмечали в другом месте [Резвых 2008], Зедергольм многократно пытался опубликовать эти заметки, сначала по-немецки, а затем, после того как Шеллинг прямо выразил пастору свое неодобрение этого намерения, в русском переводе, на который стремился обратить внимание своих немецких коллег, владеющих русским языком.

Трудно определенно судить и о том, в какой мере в рукописи, направленной в «Утренний листок», был реализован план повести, содержавшийся в письме Котте. Поскольку сам Зедергольм в письме в редакцию подчеркивал фрагментарный характер сочинения, вполне вероятно, что из множества намеченных им сцен литературно разработаны были лишь немногие. Возможны две гипотезы: либо план в письме Котте был лишь заявкой на еще не написанное сочинение, для которого у Зедергольма, вопреки его собственным заверениям, имелись только наброски отдельных эпизодов, либо оно было готово целиком, но Котта от публикации столь объемного сочинения в виде книги отказался и перенаправил пастора в «Утренний листок», оставив решение о публикации фрагментов на усмотрение редакции журнала.

* * *

Теперь обратимся к самому содержанию задуманной Зедергольмом повести. В намеченных в ней линиях будущего политического развития Европы легко угадываются аллюзии на сравнительно недавние политические события. Предсказание о союзе русского царя и греческого короля явно намекает на события греческой войны за независимость: в то время, когда было написано первое письмо Котте, турецкие войска под командованием Ибрагим-паши весьма успешно вели наступление на греческие территории, а Россия, Великобритания и Франция предпринимали активные дипломатические усилия в поддержку Греции, приведшие в 1827 г. к избранию Иоанна Каподистрии правителем Эллады и к заключению Лондонской конвенции. Чаемое объединение Германии под властью «великого короля» представляет собой попытку предвосхитить развитие объединительных тенденций, все сильнее заявлявших о себе в немецких землях после создания Германского союза. Представление о формировании в далеком будущем колониальных империй Германии и других европейских держав отсылает к расширению английских и французских колониальных владений в первой четверти XIX в. Конечно, все эти политические прогнозы и очень абстрактны, и чрезвычайно наивны. Но они и не являются главным предметом интереса для автора повести, а лишь обрамляют центральный сюжет, занимающий его, — эволюцию христианской религии.

Как мы знаем из начавшейся примерно в это же время переписки Зедергольма с Шеллингом, основное содержание которой раскрыто нами в других статьях [Резвых 2008; Rezvykh 2015], сюжет повести обдумывался одновременно с формулированием им основных положений философии религии, которая должна была заложить философско-теологические основы для примирения христианской религии с разумом и способствовать новому расцвету протестантской церкви, т. е. объединению различных протестантских деноминаций в единую церковь евангельских христиан. Повесть «Церковь» призвана дополнить эту спекулятивную конструкцию историософскими и политическими следствиями.

Нетрудно заметить, что композиция ее выстроена таким образом, что перемещение путешественников в пространстве становится символическим изображением исторического пути христианской религии, проходящей одну за другой стадии постепенного очищения от чуждых ей элементов: сначала происходит размежевание христианства с иудаизмом, затем — с язычеством и исламом и, наконец, размежевание протестантизма с католицизмом. Протестантская церковь в ее высшем совершенстве предстает как результат этого очищения, как наиболее концентрированное выражение собственно христианского образа жизни и мысли. Явление христианского вероучения во всей его чистоте и во всем его величии, по мысли Зедергольма, повлечет за собою трансформацию всей европейской политики.

Связь этих двух процессов была впоследствии детально разработана Зедергольмом в пространной статье «Союз политики с философией религии. Письмо к одному современному дипломату», которой открывался сборник «Исследования в пустыне» [Sederholm 1835], выпущенный им в 1835 г. в Берлине в издательстве Георга Раймера (не менее престижном, чем издательский дом Котты)[10]. В свете идей, изложенных в этой статье, проясняется и значение многих пунктов, лишь тезисно намеченных в плане повести.

В статье 1835 г. Зедергольм указывает на две основные сферы продуктивного взаимодействия государства и церкви, благодаря которому станет возможным их одновременное преобразование и обновление: во-первых, наука и образование, во-вторых, колонизация.

С одной стороны, государство должно способствовать созданию условий для формирования такого единого понимания христианского учения, на основе которого могли бы объединиться как различные протестантские деноминации, так и различные территориально разобщенные земельные церкви. Для решения этой задачи Зедергольм предлагает создать при участии государства евангелическую академию, объединяющую лучшие философские и богословские умы христианской Европы (прежде всего немецких теологов). Усилиями членов академии будет разработано теоретическое обоснование для церковной реформы, основными компонентами которой должны стать эмансипация церкви от опеки со стороны государства, введение свободы прессы и внутренняя реорганизация церковного управления.

Естественным следствием этих нововведений будут, во-первых, упомянутое в наброске повести политическое объединение немецких земель на

[10] В предисловии, датированном 1832 г. (очевидно, статьи к этому времени уже были написаны), книга преподносилась читателям как прямое продолжение сборника «Исследования. Ряд философских сочинений в отдельных выпусках. Выпуск первый», изданного в Москве двумя годами ранее [Sederholm 1830].

основе союза земельных церквей, а во-вторых, широкое распространение христианской нравственности, которое обеспечит прочную основу государственного порядка и приведет к экономическому процветанию Европы, прекращению войн и революций:

> Мудрое и достойное сотрудничество нынешней дипломатии и накопленный в последние полвека опыт обеспечат Европе продолжительное мирное время. Долги будут выплачены, следы прежних страданий стерты, и образуется избыток политической силы и перенаселения, который мог бы вскоре дать повод к новому брожению [Sederholm 1835: 24].

С другой стороны, именно для того чтобы найти новое применение высвободившимся человеческим и политическим ресурсам, государство призвано способствовать миссионерским усилиям христианских общин как внутри Европы (через развитие системы всеобщего христианского образования), так и за ее пределами (через соединение хозяйственных и политические интересов европейских государств в колониях с религиозной задачей христианизации нехристианских народов).

В статье 1835 г. Зедергольм пишет:

> Если служащее христианству путеводной звездой учение о том, что спасение человечества только во Христе, истинно, то задача политики заключается в том, чтобы приобретать все большее влияние на избавление нецивилизованных народов от состояния дикости и обосновывать все более широкое главенство (Suprematie) над ними. Эта задача превосходно согласовывалась бы с упомянутой выше задачей обеспечения оттока избыточной политической силы, и политика (как это повсюду и происходит) тем надежнее заботилась бы о своих собственных преимуществах, чем активнее способствовала бы осуществлению целей Провидения. Я уже не говорю о том, что открытие такого взаимовлияния в других частях света стало бы для уже стареющей Европы мощным средством объединения, да и о том, что это был бы единственный способ обезопасить себя от растущей мощи Северной Америки — а уж Южная Америка и Новая Голландия, конечно, присоединятся к ней, — и на столетия вперед, а возможно, и навеки создать ей противовес. Этот отток предстал бы, с одной стороны, как систематическая и расширяющаяся колонизация, а с другой, как стремление силой оружия сделать нехристианские государства зависимыми от христианской политики и ее целей. Польза и необходимость колонизации слишком очевидны, чтобы о них долго распространяться. Какой мощный толчок дала бы она уже мировой торговле, и какое прочное основание для избавления народов от дикости было бы ею заложено! [Sederholm 1835: 31–32].

Нетрудно распознать в этой картине то «новое направление европейской политики», о котором говорится в обзоре содержания повести из письма к Котте.

Не случайно и появление в наброске повести отдельного эпизода, посвященного школе для аборигенов. В «Союзе политики с философией религии» читаем:

> Кажется, миссионерство стало бы поистине процветать лишь в том случае, если бы при всяком миссионерском поселении возникала сразу и небольшая колония, членов которой, разумеется, надлежало бы отбирать с особою тщательностью, и которая одновременно прививала бы нехристианам европейские нравы и давала пример и образец христианской жизни. Породнение молодого поколения этой колонии через заключение браков с семьями аборигенов внесло бы свой вклад в распространение и упрочение христианства. Особое же внимание миссионеров должно быть обращено на обучение юношества, и если миссионер насчитывает меньше новообращенных христиан в своей миссии, чем насчитывается учеников в его школе, то виноват в этом только он сам [Sederholm 1835: 34].

Мотивы повести, относящиеся к специальным вопросам внутрицерковной реформы, также находят себе однозначные параллели в статье 1835 г. Здесь весьма подробно описаны и механизмы выборного представительства в церковном управлении, и участие наделенного правом вето представителя государства в принятии внутрицерковных решений, и организация церковных финансов, и множество других деталей [Sederholm 1835: 21–22]. Эпизод посещения странниками семинарии для проповедников явно коррелирует с упомянутой выше идеей развития всеобщего христианского образования.

* * *

Труднее реконструировать содержание эпизодов, в которых должны были найти воплощение представления Зедергольма о реформе собственно богослужебной практики. Ни «понятие чисто христианской мессы», ни «домашнее применение причастия» не нашли отражения в текстах сборника 1835 г. Касательно позиции Зедергольма в литургических вопросах можно только отметить, что в помещенном в том же сборнике небольшом катехизическом очерке «Что думает об этом протестантская церковь, или Попытка изложить исповедание веры протестантской церкви сообразно ее нынешней точке зрения», приуроченном к юбилею Аугсбургского исповедания, он решительно отвергает распространенное в тогдашнем протестантском богословии представление о причастии как «памятном торжестве» (Erinnerungsfeier), где святые дары лишь «обозначают» (bedeuten) тело и кровь Христовы, и подчеркивает, что в момент принятия святых даров «Господь ‹…› теснейшим образом соединяется с верующим и посредством этого блаженного воссоединения дарует ему новые силы для новой святой жизни» [Sederholm 1835: 88].

Не помогают тексты «Исследований в пустыне» восстановить ни аргументацию Зедергольма в пользу переселения евреев в Австралию (в «Союзе политики с философией религии» в связи с миссионерскими задачами говорится лишь: «Даже для обращения иудеев можно было бы сделать многое, если бы политика удостоила сей предмет своего внимания и участия, в противном же случае оно будет невозможно» [Ibid.: 33]), ни его представление о «возможностях новой жизни католической церкви» (напротив, в той же статье пастор осторожно называет «слишком сангвиническим упованием» предположение, что вместе с объединением протестантских деноминаций «столь же активная религиозная жизнь начнется и в католическом христианском мире» [Ibid.: 24]). Однако не подлежит сомнению, что в целом теоретические выкладки сборника 1835 г. представляют собой прямое продолжение и развитие тех общих установок, которые были положены в основу повести «Церковь».

Впрочем, наиболее пикантным и рискованным эпизодом повести является, несомненно, тот, который был прислан Котте в качестве «пробы целого», — т. е. тот, где роль провозвестника грядущего золотого века протестантской церкви отводится Гёте. Разумеется, разрабатывая сюжет своей утопии, Зедергольм едва ли мог знать, что Гёте с 1824 г. действительно интенсивно работает над второй частью «Фауста», и уж, конечно, никак не предполагал, что очень скоро, уже в 1827 и 1828 гг., в печати появятся отрывки из нее, а в 1832 г., уже после смерти поэта, она будет обнародована целиком. Однако и безотносительно к этому любопытному совпадению намерение пастора изобразить Гёте, известного своим весьма сдержанным и осторожным отношением к христианскому вероучению, в роли раскаявшегося грешника, которому на склоне лет воссиял свет христианского благовестия, да еще вложить в его уста свой собственный вариант завершения «Фауста» (какой именно, нам, к сожалению, неизвестно, но из контекста сохранившегося отрывка совершенно ясно, что такой вариант у Зедергольма был), выглядит по меньшей мере двусмысленно.

Амбивалентная позиция Зедергольма по отношению к Гёте, сочетающая преувеличенный пиетет с претензией на то, чтобы указывать поэту его истинную миссию, чрезвычайно напоминает его аналогичное отношение к Шеллингу: называя философа «первосвященником человечества», пастор тоже явно проецировал на него свои религиозно-политические ожидания и наивно полагал, что будет им понят и поддержан. Однако если в случае с Шеллингом речь могла идти, хотя бы чисто гипотетически, о продуктивном сотрудничестве двух ученых на общем поприще философии религии, то своими фантазиями на тему ненаписанной второй части «Фауста» Зедергольм явно ставил себя по отношению к Гёте в заведомо проигрышное положение одновременно наставника и соперника.

Невыгодное впечатление, которое неизбежно должен был произвести этот эпизод повести не только на самого Гёте, но и на Котту, усугублялось еще и тем, что в роли божественного посланника, вдохновляющего Гёте на

создание нового шедевра, в нем фигурировал Новалис. Как известно, Гёте не только решительно дистанцировался от йенского кружка, но и с едкой иронией высказывался о своеобразном посмертном культе, сложившемся вокруг Новалиса. Например, еще в 1808 г. в записанной И. Д. Фальком беседе в салоне Иоганны Шопенгауэр, рассуждая о том, можно ли считать кого-либо из современных писателей литературным императором, он заметил:

> Новалис им еще не был, но мог бы со временем стать. Жаль только, что он умер таким юным, тем более что он, сверх того, стал потакать своему времени и сделался католиком. А ведь девицы и студенты уже толпами совершали паломничества к его могиле и осыпали ее цветами. Это, я бы сказал, недурное начало, и отсюда уже можно было бы ожидать кое-какие следствия [Goethe 1889: 203].

Поэтому Зедергольм имел куда больше оснований опасаться неблаговоления в свой адрес, нежели он сам осознавал.

Конечно, нельзя утверждать с уверенностью, что именно это обстоятельство определило судьбу повести. Однако, учитывая дипломатичность Котты, которого с Гёте (как, впрочем, и с Шеллингом) связывали многолетние деловые отношения, трудно предположить, что он мог бы одобрить подобную публикацию. Первое письмо в редакцию «Утреннего листка», в котором Зедергольм заявляет о своем согласии пожертвовать при публикации фрагментов повести эпизодом со второй частью «Фауста», подталкивает к предположению, что Котта тактично намекнул ему на возможность и даже желательность такой купюры, однако наивный пастор, по-видимому, все же надеялся, что в редакции журнала могут принять иное решение. Так или иначе, ни повесть целиком, ни фрагменты ее так никогда и не были обнародованы.

Впрочем, нельзя не заметить, что такой исход дела оказался для Зедергольма в конечном счете благотворным: благодаря ему пастор избежал не только литературного скандала, угрожавшего его едва начавшейся литературной карьере в Германии, но и конфликта со своим российским начальством. Публикация религиозной утопии, в которой православию, в отличие от католицизма, в грядущем золотом веке вообще не отводилось никакого места, несмотря на то что важнейшей предпосылкой этого грядущего расцвета должен был стать политический союз между российским императором и греческим королем, в глазах российских чиновников едва ли свидетельствовала бы в пользу политической благонадежности ее автора.

Архивные источники

Sederholm 1826a — *Sederholm K.* Brief an Cotta, 31. März 1826 (Deutsches Literaturarchiv Marbach, Cotta Br.).

Sederholm 1826b — *Sederholm K.* Brief an die Redaktion des Morgenblatts, 23. August 1826 (Deutsches Literaturarchiv Marbach, Cotta Br.).

Sederholm 1827 — *Sederholm K.* Brief an Cotta, 10. April 1827 (Deutsches Literaturarchiv Marbach, Cotta Br.).

Литература

Гораций 1970 — *Квинт Гораций Флакк*. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. / Под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Худ. лит., 1970.

Резвых 2008 — *Резвых П. В.* Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами // Новое литературное обозрение. № 91. 2008. С. 141–195.

Goethe 1889 — *Goethe J. W.* Gespräche / Hg. von W. von Biedermann. Bd. 2: 1805–1810. Leipzig: Biedermann, 1889.

Rezvykh 2015 — *Rezvykh P. V.* The Moscow pastor Sederholm and the reception of the philosophy of the German Idealism in Russia / National Research University Higher School of Economics: Working papers of the Basic Research Program. Ser. “Humanities”. No. 91. 2015. URL: https://www.hse.ru/data/2015/03/26/1096182361/91HUM2015.pdf.

Sederholm 1830 — *Sederholm K.* Studien. Eine Reihe philosophischer Anhandlungen in zwanglosen Heften. Erstes Heft. Moskau: Gedruckt bei S. Seliwanowski, 1830.

Sederholm 1833 — *Sederholm K.* Die Erlösung. Ein Gedicht in zwölf Gesichten. Berlin: Reimer, 1833.

Sederholm 1835 — *Sederholm K.* Studien in der Wüste. Berlin: Reimer, 1835.

Сокращения

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

"The day of the Lord cometh": A Christian utopia by pastor Sederholm

Rezvykh, Petr V.
PhD (Candidate of Sciences in Philosophy)
Leading Research Fellow, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI), National Research University — Higher School of Economics
Russia, 107031, Moscow, Petrovka, 12
*Tel.: +7(495)772-95-90*2694*
E-mail: rezvykh@rambler.ru

Abstract. This paper presents a Russian translation and an interpretation of a manuscript by K. A. Sederholm, a Protestant pastor in Moscow, which contains the draft outline of his unpublished utopian novel "The Church. A story from the last quarter of the twentieth century" ("Die Kirche. Eine Erzählung aus dem letzten Viertel des zwanzigsten Jahrhunderts"), together with a reconstruction of the connection between Sederholm's utopian vision, his religious and philosophical ideas and his claims to the distinctive role of a mediator between German and Russian cultures.

Keywords: Sederholm, utopia, Protestantism, German romanticism, Russian culture

References

Goethe, J. W. (1889). *Gespräche, vol. 2: 1805–1810*. W. von Biedermann (Ed.). Leipzig: Biedermann. (In German).

Kvint Goratsii Flakk (1970). *Ody. Epody. Satiry. Poslaniia* [Odes. Epodes. Satires. Epistles] (Transl. from Latin; Quintus Horatius Flaccus). M. L. Gasparov (Ed.). Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian).

Rezvykh, P. V. (2008). Shelling v dialoge s rossiiskimi intellektualami [Schellling in a dialogue with Russian intellectuals]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]*, 91*, 141–195. (In Russian).

Rezvykh. P. V. (2015). *The Moscow pastor Sederholm and the reception of the philosophy of the German Idealism in Russia* (National Research University Higher School of Economics: Working papers of the Basic Research Program. Ser. "Humanities", no. 91). Retrieved from https://www.hse.ru/data/2015/03/26/1096182361/91HUM2015.pdf.

Sederholm, K. (1830). *Studien. Eine Reihe philosophischer Anhandlungen in zwanglosen Heften. Erstes Heft*. Moskau: Gedruckt bei S. Seliwanowsk. (In German).

Sederholm, K. (1833). *Die Erlösung. Ein Gedicht in zwölf Gesichten*. Berlin: Reimer. (In German).

Sederholm, K. (1835). *Studien in der Wüste*. Berlin: Reimer. (In German).

Rezvykh, P. V. (2016). "The day of the Lord cometh": A Christian utopia by pastor Sederholm. *Shagi / Steps, 2*(1), 224–237